

Дневник грешницы



ОЛЬГА
СТРОГОВА

ИСПЫТАНИЕ ЧУВСТВ



Испытание чувств

Ольга Строгова

Дневник грешницы

«ЭКСМО»

2014

Строгова О.

Дневник грешницы / О. Строгова — «Эксмо»,
2014 — (Испытание чувств)

Ирина была влюблена. В женатого. Но этот факт ее не слишком смущал, ведь она, Ирочка, гораздо красивее и достойнее соперницы, осталось только дать избраннику время сделать правильный вывод. А для этого женщина придумала совместное дело, связанное с расследованием семейной истории, сохранившейся в письмах и дневниках. Но события пошли не по сценарию Ирины...

Ольга Строгова

Дневник грешницы

© Строгова О., текст, 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Милая Жюли!

Мой ангел, прости, что я долго не писала к тебе; поверь, я поступала так оттого, что не могла сообщить ничего приятного.

Тебе известно, конечно же, что дела наши в последнее время стали совсем нехороши. Папенька снова играл в карты у князя Д., и снова несчастливо. Мне горестно было видеть его в таком состоянии, но еще более огорчило то, что папенька опять принялся говорить о моем браке с князем.

Ах, Жюли, если бы я не знала папеньку как человека в высшей степени доброго и благородного, то могла бы подумать, что деньги для него дороже счастья единственной дочери!

Вся беда в том, что князь Д. – старинный папенькин друг. Он очень богат, совершенно одинок и вдобавок, как оказалось, сильно в меня влюблен. Папенька уверяет, что князь превосходный человек и будет мне добрым и заботливым мужем.

Со свойственной ему откровенностью (о, я уважаю и преклоняюсь перед ним за то, что он говорит со мной не как с ребенком, а как с равной себе) папенька объяснил, что в нашем положении я едва ли могу рассчитывать на другую приличную партию. При этих словах он опустил голову, и на ресницах его блеснула слеза – он, бедный, считает себя виновным в том, что у меня нет приданого.

– Мне ничего не нужно, – чуть слышно произнес он, – но ты, дочь моя, не должна ни в чем испытывать недостатка!

Я не могла этого вынести. Я бросилась к нему на шею, и мои рыдания смешались с его тяжелыми, разрывающими сердце вздохами.

– Папенька, – воскликнула я, – не говорите так! О, чего только я не сделала бы для того, чтобы вы были благополучны и счастливы! Но умоляю вас: позвольте мне еще немного подумать... Мне нужно время, чтобы освоиться с мыслью, что князь Д., которого я знаю с детства и которого почитаю почти в той же степени, что и вас, будет моим мужем!

Папенька тут же успокоился, поцеловал меня в лоб, назвал истинной усладой своей старости, а себя – счастливейшим в мире отцом и спросил, не желаю ли я чего-нибудь.

Чтобы не огорчать его, я сказала, что решила принять приглашение и поехать на бал к Лопухиным.

Поверь, Жюли, в тот вечер мне было вовсе не до танцев и развлечений. Но я почувствовала, что не в силах больше оставаться дома, где в любой момент мог возобновиться этот столь тяжкий для меня разговор. К тому же я знала точно, что князь Д. не будет на балу – он не в ладах со старым графом Л.

Сидя в карете рядом с папенькой, я пыталась думать о бале, о своем бальном туалете, за который еще не уплачено и бог весть когда будет уплачено модистке; о Петеньке Л. (помнишь розовощекого и голубоглазого, как херувим, корнета?); о фисташковом мороженом, которое только и умеют выделывать у Лопухиных... и о прочих милых и забавных вещах.

Но перед моим мысленным взором упорно представало широкое, багровое лицо князя с длинными полуседыми бакенбардами и его плотная, осанистая фигура. Признаюсь, милая кузина, воображение мое смогло, хотя и не без труда, нарисовать его в шлафроке и домашних туфлях, пьющего вместе со мной утренний кофий, но наотрез отказалось представить князя входящим в мою спальню.

В таком весьма далеком от безоблачного расположении духа я и прибыла на бал.

Первым встреченным кавалером оказался именно Петенька Лопухин. Он стоял у огромного зеркала на парадной лестнице, оправлял свой новенький гусарский ментик и подкручивал смешные соломенные усики – ты еще так удачно назвала их крендельками... Я холодно кивнула корнету, дав понять, что не расположена сегодня к пустой светской болтовне и кокетству, но он, разумеется, ничего не понял и увязался за нами следом.

Папá почти сразу же оставил меня, увидев за одной из приоткрытых дверей угол зеленого ломберного стола. Петенька подлетел мгновенно и пригласил меня на вальс.

Вальсируя с Петенькой и краем уха слушая его обычные любезности, я думала: уж не в последний ли раз я так танцую с галантным молодым человеком?.. Что, если, в довершение ко всему, князь Д. окажется тяжелого нрава и ревнив?

После вальса корнет, выговорив себе еще и мазурку, отвел меня к южному балкону, где я с облегчением увидела Кити Лукашину – в розовом платье, окруженную розовыми от волнения дебитантками. Ты, конечно, помнишь Кити – она насмешница и легкомысленна, как бабочка, но в моем нынешнем состоянии именно она и нужна была мне, чтобы немного отдохнуть и рассеяться. Петенька раскланялся с Кити и дебитантками, не преминув окинуть каждую внимательным взглядом, отчего те сделались совсем пунцовыми. Мы же с Кити как опытные светские дамы (шутка ли – второй сезон!), обмахнувшись веерами, сдержанно и спокойно принялись обмениваться впечатлениями. Чтобы отделаться от Петеньки, я послала его за мороженым, наказав непременно взять фисташковое.

– А мне – ананасное! – воскликнула Кити, прекрасно зная, что ананасного у Лопухиных не бывает. В черных глазах Кити прыгали хорошо знакомые чертики, и чувствовалось, что ей не терпится сообщить мне нечто весьма любопытное.

– Ах, как хорошо ты сделала, chere Annette, что приехала нынче на бал, – начала было она; но тут оркестр заиграл польку, и перед Кити склонился старший брат Петеньки – Александр, жгучий брюнет и драгунский полковник. Кити, разумеется, не могла ему отказать.

Я же, снова почувствовав тоску и стеснение в груди, спряталась за увитую живыми виноградными листьями (это в декабре-то месяце!) колонну.

Ты, верно, недоумеваешь, отчего я так много места уделяю этим подробностям? Терпение, мой друг! Все подробности, все детали этого вечера врезались в мою память так, что стоит мне только закрыть глаза, чтобы снова увидеть белый с мраморными колоннами зал, розовый паркет, огни, отражающиеся в зеркалах, в золоченых рамах... услышать музыку, голоса, смех, шелест шелка и стук каблуков... ошутить знакомую теплую смесь ароматов пудры, цветов и духов, так сладостно кружившую наши беспечные головки...

Терпение, и совсем скоро ты узнаешь, как резко и бесповоротно этот вечер, этот шумный бал изменили всю мою жизнь!

Кити, порозовевшая от польки с драгуном, словно цвет платья отразился на ее белом, как молоко, лице, вернулась, вытащила меня из-за колонны и снова заговорила быстрым смеющимся шепотом:

– Нынче на балу ждут графа Б. – как, ты не знаешь? Но – уйдем отсюда, иначе нам опять помешают!

Мы с Кити прошли в зимний сад, раскрытые двери которого сулили полумрак, прохладу и относительное уединение. Я и в самом деле не знала, кто таков граф Б., но при звуке этого имени сердце мое как-то странно затрепетало. А еще говорят – все суеверие и не бывает предчувствий!

Мы уселись на резной деревянный диванчик, скрытый от любопытных глаз длинными перьями низкорослой пальмы.

– Ах, Annette, как я мечтаю познакомиться с графом! Да полно, неужто ты не читала прелестных романов госпожи Шталь? Граф Б. – тот самый герой Плевны, о котором она писала в «Розе Стамбула» и «Балканской истории» и в которого, по слухам, была долго и безнадежно

влюблена! Только она и тогда уже была старухой, лет тридцати пяти, не меньше, и граф, разумеется, не ответил ей взаимностью!

Кити обмахнулась веером и захихикала.

О, я читала, разумеется, г-жу Шталль, но ее романы не оставили в моей памяти заметного следа – как-то все у нее выходило длинно, слащаво и ненатурально. Одни и те же герои, жгучие голубоглазые брюнеты, вооруженные одной саблей, спасали одних и тех же восточных красавиц, сражаясь с добрым десятком янычар, а красавицы дико вращали своими восточными глазами, то и дело лишаясь чувств – надо полагать, от томной гаремной изнеженности. Кажется, среди героев и в самом деле был один русский граф, который ради разнообразия спас красавицу из гарема Видинского паши не с помощью сабли, а исключительно метко стреляя из двух револьверов.

– Но ведь с осады Плевны прошло больше двадцати лет, – попыталась я вразумить Кити, – граф Б., должно быть, и сам уже стар – не меньше сорока. Едва ли он теперь похож на героя романа. Старый, толстый, лысый, с бакенбардами, и борода венником, – дразнила я Кити, – и к тому же наверняка женат на турчанке – тоже старой и толстой. Она тебя отравит каким-нибудь турецким зельем, едва ты посмеешь приблизиться к ее мужу...

Кити от восторга заболтала ножками и стукнула меня веером по руке.

– Аннет, Кити, где вы? – услышали мы жалобный голос Петеньки, а потом и он сам воздвигся тонким, темным, словно вырезанным из черной бумаги, силуэтом на фоне ярко освещенного зала. Руки его были пусты, и Кити воскликнула:

– Как вы посмели, корнет, явиться без мороженого?

– Ах, mesdames, – жалобно отвечал Петенька, подходя к нам, – поверьте, я сделал все, что в моих силах! Но ананасного не нашлось. – Тут он поклонился Кити и, пользуясь тем, что она в преувеличенном негодовании отпрянула от него, ловко уселся на диванчик с ее стороны.

– Что же касается фисташкового, то негодяй лакей признался, что только что подал последнюю порцию графу Б. Ради вас, Аннет, я готов на все, и я не преминул бы обратиться к графу, а в случае отказа – вызвал бы его на дуэль, но, к величайшему моему сожалению, я с ним не знаком! От лакея я узнал лишь, что граф в курительной, и заглянул туда, но там оказалось столько пожилых важных господ, в том числе и наш генерал, что я...

– Что вы струсили и пошли на попятный, – заявила безжалостная Кити, поднимаясь. – Идем, Аннет. Подадим мсье корнету пример храброго поведения и познакомимся с графом сами.

– А как же мазурка? – упавшим голосом осведомился Петенька. – Анна Владимировна, вы же мне обещали!

На мгновение я заколебалась. Но Кити уже тянула меня за руку в сторону курительной, и к тому же корнета ни в коем случае не следовало поощрять! Во всяком случае, мне – почти невесте его превосходительства князя Д.

В знакомстве же с пожилым и женатым графом никто не смог бы усмотреть ничего предосудительного.

В дверях курительной, однако, Кити остановилась, вспомнив, что дамам заходить туда не следует.

– Что нам делать, Аннет? – с легкой тревогой спросила она, заглядывая в приоткрытую дверь. Я также заглянула – и убедилась, что Петенька не солгал: там и в самом деле находилось множество солидных господ в мундирах и в штатском, удобно расположившихся на мягких диванах и в покойных венских креслах и ведущих степенные беседы под сливавшимися в причудливые ленты клубами синего табачного дыма.

– А, вот и моя Аннушка, – услышала я сзади голос папеньки, – ты, верно, ищешь меня?

Мы с Кити обернулись. Рядом с папенькой стоял высокий, очень красивый господин лет тридцати пяти – сорока со светлыми волосами и гладко выбритым загорелым лицом. Он был во

фраке; но стройность его фигуры, тонкая талия, широкие, горделиво развернутые плечи и все то, что военные называют выправкой, свидетельствовало, что ему доводилось носить и мундир.

Господин поклонился нам с учтивостью истинного вельможи. Мы с Кити сделали реверанс по всем правилам Смольного института, хотя Кити едва удержалась, чтобы не рассмеяться.

– И Катенька здесь, – продолжал радостно папенька. – Позвольте, mesdames, рекомендовать вам: мой старинный знакомый, граф Алексей Николаевич Безухов.

* * *

Дочитав до этого места, Ирина Львовна Строганова в некотором волнении отложила в сторону ветхое, пожелтевшее, с давно выцветшими чернилами письмо и задумалась. Прошло больше ста лет с тех пор, как ее прабабка, Юлия Александровна, получила это послание. Однако имя графа Ирина Львовна услышала совсем недавно и при каких-то весьма важных для нее обстоятельствах.

Вот ведь память стала! «Старею я, что ли? – расстроилась Ирина Львовна. – Да нет, не может быть!» Не сорок ведь еще (сорока лет Ирина Львовна побаивалась, как некоего рубежа), а как этому графу из письма – от тридцати пяти до сорока.

И фамилия его Безухов. Как у Пьера Безухова из «Войны и мира».

Может, я читала что-нибудь этакое? Вряд ли. «Балканскую историю» я точно не читала, а про мадам Шталль с ее героическими брюнетами даже никогда и не слыхивала.

Граф – высокий блондин, красавец и наверняка будущий герой романа этой самой Annette, иначе стала бы она разводить столь длительные подготовительные сентенции...

Безухов.

Горячо! Ну же, еще немного!

Ирина Львовна с коротким смешком закрыла глаза и откинулась в старинном бабушкином кресле.

Две недели назад она говорила по телефону с Карлом Роджерсом – тем самым, о котором были написаны первые ее книги. Карл сказал, что снова займется поиском своих русских корней, и у Ирины Львовны мелькнула надежда, что он вскорости приедет в Россию. Но про «вскорости» никакого разговора не зашло.

А три года назад, когда состоялось их знакомство при обстоятельствах весьма необычных и, можно даже сказать, замечательных (тут Ирина Львовна мечтательно потянулась в кресле и вздохнула – да, были времена!), он вскользь упомянул, что его бабушка по материнской линии была русская. Урожденная графиня Безухова.

Ирина Львовна восторженно встрепенулась. Глаза ее, яркие, темно-зеленые – «У вас красивые глаза!» – говорили ей, потому что больше хвалить было, собственно, нечего, – загорелись молодым, ищущим блеском. Очень осторожно она развернула норовившие сложиться снова ветхие листы (из середины высыпался серенький порошок, прах засушенной сто лет назад фиалки) и продолжила чтение.

* * *

– Граф, это моя дочь Анна Владимировна и ее подруга, княжна Екатерина Дмитриевна Лукашина. Прошу, как говорится, любить и жаловать.

Граф поцеловал мне руку. Хотя на мне были шелковые перчатки, а поцелуй являлся обычной светской любезностью, мне показалось, что моей обнаженной кожи коснулся теплый июльский луч. Знаешь, как в те короткие дни, когда сумрачный Петербург на пару недель

посещает благословенное лето и приходится прятаться от яркого солнца под кружевными зонтиками...

Ах, мы так бережем нежную белизну наших лиц и рук, и точно так же поступают мужчины благородного сословия! А граф был загорелый, словно простолюдин, и все же, все же...

Он склонился над рукой Кити, и несколько драгоценных мгновений я могла смотреть на него в профиль без помех, не опуская глаз и не опасаясь быть уличенной в нескромности.

После, когда Кити говорила мне, смеясь, что граф, конечно, очень интересный мужчина, но она несколько разочарована – отчего он не брюнет и не носит лихо закрученных усов? – я молча улыбалась и думала о том, что графу просто нет нужды до всяческих волосяных украшений.

Ведь не секрет, что длинные усы часто прикрывают тонкие искривленные губы, борода скрывает безвольный подбородок, а под бакенбардами прячутся смешные и нелепые бульдожьи брыльца.

Лицо же графа своими четкими и правильными очертаниями напоминало изображения древних римских и греческих героев. Его высокий лоб под густыми, светлыми, платинового оттенка, кудрями; его глаза, цвет которых мне не удалось тогда в точности определить – то ли темно-синие, то ли серые, как наше Балтийское море в грозу; его короткий прямой нос с чуть заметной горбинкой; его губы – любой ваятель не преминул бы воспроизвести их абрис на лице какого-нибудь бронзового бога; его спокойная улыбка и непринужденная, полная достоинства манера держаться – все выказывало в нем человека благородного и великодушного.

– Граф, вы виноваты перед Анной Владимировной, – заявила невозможная Кити, сжимая своими тонкими пальчиками его ладонь, – вы съели ее мороженое!

Я покраснела так, что папенька удивленно взглянул на меня.

К счастью, в этот самый момент из дверей курительной появился хозяин дома, старый граф Л.

– Алексей Николаевич, – вскричал он с воодушевлением, – куда вы исчезли? Вернитесь же к нам, без вас нам никак не разрешить один спор! Вот Владимир Андреевич, – тут он любезно кивнул в сторону папеньки, – давеча утверждал, что без инженер-генерала Тотлебена нипочем нам было не взять Плевны. А граф Н. полагает, что Осман-паша сражался бы до последнего, если б не лихие атаки Скобелева! Идемте, голубчик, просветите нас, штатских, как было на самом деле!

– Здесь не может быть никакого спора, Петр Ильич, – спокойно ответил граф, но в темных глазах его промелькнула лукавая золотая искорка, – и без осадных работ Тотлебена было не обойтись, и без Скобелева не сдался бы турецкий гарнизон.

– И все же, расскажите нам в подробностях, – настаивал Петр Ильич, а папенька одобрительно кивал, – побалуйте нас, стариков, повестью очевидца о столь славной виктории русского войска! Барышни, надеюсь, нас извинят?

Что нам с Кити оставалось делать? Мы присели, скромно опустив глаза.

– Про Плевну я тоже послушала бы, – заявила Кити, когда мы, снова приняв прилично-невозмутимые выражения, вернулись в бальную залу, – только не про штурм крепости, а про гарем Османа-паши. Как ты думаешь, Аннет, граф в самом деле побывал там или это все выдумки госпожи Шталль? Аннет! Да что это с тобой? Ты то краснеешь, как пион, то делаешься бледной, как снег!

Конец бала я помню смутно. Кажется, я с кем-то танцевала, но двигалась так небрежно и механически, что меня спрашивали, хорошо ли я чувствую себя.

Потом явился встревоженный папенька и стал уговаривать меня ехать домой. Графа я больше не видала – то ли его так и не выпустили из курительной, то ли он просто не танцевал, – и весь зал, огни, наряды, лица танцующих словно подернулись для меня тусклым серым облаком...

И все же еще одно мгновение послала мне в тот вечер судьба! Когда я садилась в экипаж, ко мне подошел лакей в черной простой, без позументов, ливрее. Лицо его, явно не русское, смуглое, с черными висячими усами и янтарными, как у кота, глазами навывкате, с жутким сабельным шрамом через всю щеку, заставило бы в ужасе отшатнуться любую впечатлительную барышню; но я находилась уже на той грани между мечтой и действительностью, когда легко и свободно воспринимаются любые, даже самые бредовые обстоятельства.

Лакей почтительно поклонился и молча подал мне визитную карточку.

При свете раскачивающегося от ветра фонаря, в вихре вздыбившейся метели я прочла:

«Граф Б. желал бы заглазить свою невольную вину перед Вами и просит позволения посетить Вас завтра в шесть часов пополудни».

Не в силах сказать ни слова, я только кивнула в ответ на выжидающий взгляд черного лакея.

* * *

В поисках последнего листка письма Ирина Львовна перерыла всю связку бумаг, перевязанную когда-то алой, а теперь – бледно-розовой шелковой лентой. Наконец окончание нашлось – но там ничего не было, кроме прощальных поцелуев в адрес chere Julie, даты (20 декабря 1899 г.), обещания продолжить непременно, и завтра же, и подписи самой Annette. Анны Владимировны Строгановой.

Ирина Львовна с письмом в руках направилась на кухню, где ее собственная кухня смотрела по телевизору «Просто Марию» и готовила ужин.

Ирина Львовна пошевелила крыльями тонкого, с изящной горбинкой, но, к сожалению, довольно длинного носа и спросила:

– Мясо по-бургундски?

– Угу, – отозвалась кухня Зоя, не отрывая глаз от экрана. – Будет через пять минут. Можешь уже мыть руки.

– А Виталия разве ждать не будем? – удивилась Ирина Львовна.

Виталий был Зоин муж.

– А чего его ждать-то? – удивилась Зоя. – У него ж сегодня получка. Он, может, сегодня вообще домой не придет.

– И ты так спокойно об этом говоришь?

Зоя пожала плечами, пробормотала невнятно: «Двадцать лет... все одно и то же... терплю этого алкоголика...» – и выключила духовку.

– Сейчас будет реклама, – сообщила она и полезла в буфет за тарелками. Ирина Львовна, бережно отложив письмо подальше, на холодильник, помогла ей накрыть на стол.

– Счастливая ты, Ирка, – заявила Зоя, когда они выпили по первой – не водки, разумеется, а вина, хорошего испанского сухого вина, привезенного Ириной Львовной. – Одинокая... свободная... тощая, не то что я!

Ирина Львовна скользнула взглядом по девяностокilограммовой Зоиней фигуре и деликатно промолчала.

– К нам-то, в Москву, надолго?

– Пока не выгонишь, – усмехнулась Ирина Львовна. – Шучу... Недели на три.

– Да живи сколько хочешь, – пожала круглыми белыми плечами Зоя, – будет хоть с кем поговорить по-человечески. А то у нас в больнице...

И Зоя, подперев кулаком пухлую румяную щеку, принялась рассказывать, как обстоят дела у них в больнице.

Сестры – дуры, у них одно на уме: тряпки и мужики. Или мужики и тряпки.

Врачи до разговоров с сестрами не снисходят. Врачи – те да, бывает, но только с молоденькими и смазливыми; а к ней, Зое, обращаются лишь по служебной надобности.

Всякие там няньки-санитары не в счет, им лишь бы на низкую зарплату жаловаться да клянчить у нее, у старшей медсестры, медицинский спирт или хотя бы микстуры от кашля – на опохмелку.

А Зоя ни спирта, ни микстуры не дает и про мужиков трепаться не любит – чего про них говорить-то, тоже мне, сокровища!

Оттого и пребывает на своем сестринском посту в гордом одиночестве.

А ведь она, Зоя, женщина с культурными интересами. Интересуется, между прочим, прошлым нашей страны, любит читать исторические романы.

– Так вот письмо прабабушкино, – Ирина Львовна кивнула на холодильник, – чем тебе не роман?

– Да? – равнодушно покосилась Зоя и налила еще по одной. – Может быть, может быть... Только оно такое ветхое, я и развернуть-то боюсь, того и гляди рассыплется... И почерк мелкий, и чернила бледные, и «яти»... не разобрать же ничего!

– При желании можно разобрать, – скромно возразила Ирина Львовна. Но, сообразив, что если Зоя заинтересуется письмом, то тут же его и отберет, сменила тему.

– А вот скажи ты мне, как это может быть: прабабушка наша, Юлия Александровна, была урожденная Строганова, бабушка Мария Николаевна – Демидова, а наши с тобой отцы – снова Строгановы?

– Так ты не знаешь? – удивилась Зоя. С приятно-горделивым чувством, что вот и она может кое в чем просветить высокообразованную сестрицу, Зоя принялась объяснять:

– Бабушка наша, Мария Николаевна Демидова, вышла замуж за своего троюродного брата Афанасия Строганова, который был сыном Петра Борисовича, двоюродного брата прабабушки Юлии...

Ирина Львовна, спохватившись, схватила бумажную салфетку и заложенный в поваренную книгу огрызок карандаша и принялась рисовать родословное древо.

– Ага, – сказала она пару минут спустя, – ага... теперь все понятно. А скажи, Зоя, ведь у прабабушки Юлии, кроме двоюродного брата, была еще и двоюродная сестра? Не дочь Бориса, а дочь Владимира?

– Была, – ответила, помолчав, Зоя. – Анной ее звали. Анной Владимировной. Только про нее почти ничего не известно – то ли она умерла в молодости, то ли исчезла неведомо куда...

– То ли исчезла неведомо куда... – задумчиво повторила Ирина Львовна. – Слушай, Зоя, а еще какие-нибудь письма и вообще – бумаги прабабушки у тебя есть?

– Может, и есть, – зевнула Зоя. – Бабушка хранила всякое старье в красном кожаном саквояже. Если хочешь, посмотри сама на антресолях – я туда не полезу, мне пылью дышать вредно... А скажи, чего это вдруг ты заинтересовалась историей нашей семьи? Книгу, что ли, новую писать собираешься?

– Ага, – отозвалась Ирина Львовна, с трудом волоча в прихожую громоздкую стремянку, – исторический роман.

* * *

Ты легко представишь себе, милая Жюли, как дурно я спала эту ночь. Стоило закрыть глаза, как передо мною являлись Петенька, Александр, князь Д., черный лакей графа, другие знакомые и полужнакомые лица – и только того, кого я и хотела, и боялась увидеть, не было в этих спутанных, обрывочных сновидениях.

Я встала в полдень, усталая и разбитая, и была так бледна, что папенька снова встревожился и хотел послать за доктором. К счастью, приехала с визитом Кити. Мы выпили с

нею кофию с английскими сухариками (от них, говорят, совершенно не полнеют) и поехали кататься в Александровский сад.

Погода была редкая для конца декабря, солнечная, морозная и тихая. Лошади Кити, серые в яблоках, «звонко цокали копытами по булыжной мостовой», как нынче модно стало писать в газетах. Город был по-праздничному убран сверкающей снежной мишурой, солнце играло в безмятежной лазурной выси золотыми шарами куполов.

Наказав кучеру Никите ждать нас у выхода на Сенатскую площадь, мы вошли в сад.

Кити равнодушно прошла мимо новых, недавно открытых памятников Жуковскому, Лермонтову и Глинке и остановилась перед статуей Геракла. Окинув обнаженного героя внимательным взглядом, она улыбнулась и заговорила наконец о том, о чем у меня со вчерашнего вечера щемило сердце:

– Что же, Аннет, твой брак с князем Д. – дело решенное?

Что я могла ей сказать? Я лишь опустила голову и вздохнула.

– Говорят, князь очень богат, – продолжала Кити, – и стар. И, по слухам, к тому же страдает от подагры.

– И что с того? – глухо спросила я. – Даже если бы князь был молод и здоров, я все равно не могла бы любить его. Потому что я...

– Да, – кивнула Кити, – потому что ты. А вот мне кажется, что брак со старым, богатым и больным князем – это путь к свободе.

– Кити, – поразила я, – о чем ты говоришь?!

– Да все о том же, – усмехнулась Кити, выпростав руку из муфты и водя пальцем по мраморному бедру Геракла, – в то время как его превосходительство князь Д. будет лежать в постели с приступом подагры, ее превосходительство княгиня Д. сможет свободно бывать в обществе и встречаться там с кем пожелает. Разве не все в высшем свете поступают именно так?

– Уверена, что не все, – холодно отвечала я, – и в любом случае для меня это неприемлемо.

– Возможно, ты и права, – пожала плечами Кити, – возможно, ты – исключение. А знаешь, я ведь до тебя заезжала к старухе Бяратинской – ну, к той, которая все обо всех знает, – и она мне кое-что порассказала о нашем плевненском герое...

– Кити, – вздохнула я, – если ты хочешь мне что-то сообщить, говори. Довольно предисловий. Если же нет – едем домой. Я, право же, не слишком хорошо себя чувствую и вдобавок начинаю замерзать!

– Ну-с, мадемуазель, известно ли вам... – Кити высоко подняла брови и потерла указательным пальцем кончик носа, изображая нашего старого институтского преподавателя естествознания, – что вы не ошиблись в предварительной оценке его возраста и семейного положения. Графу Б. сорок два года – а ведь никак не скажешь, верно? – и он женат на турчанке. Правда, старуха Бяратинская никогда не видела его жену, но, по ее словам, ее вообще мало кто видел. Ничего удивительного, ведь по турецким обычаям женщинам полагается быть затворницами... Бяратинская слыхала лишь, что она редкостная красавица, что женаты они больше двадцати лет и что у них нет детей.

У графа имение где-то в Олонецкой губернии, дом в Петербурге и дача в Крыму. Один из старухиных племянников немного знаком с графом и утверждает, что он большую часть времени проводит в своем имении или за границей, в поисках каких-то древностей, а в Петербурге бывает крайне редко и лишь по делам. Говорят также, что граф – большой либерал, что на своих землях он открыл школу, больницу и даже библиотеку для крестьян и что за это на графа косо смотрят при дворе...

– Я, пожалуй, тоже замерзла, – вдруг прервала сама себя Кити, – едем.

Она выжидательно посмотрела на меня, но я не сделала ей ни единого вопроса. Разочарованно вздохнув, Кити направилась к выходу. Я шла следом за нею и думала: сказать ей, что граф будет у меня нынче вечером, или не говорить?

* * *

Отчего-то мне казалось, что это имеет очень большое значение.

Если я скажу Кити, она, разумеется, приедет – в сопровождении какой-нибудь из своих тетюшек; ведь барышне неприлично ездить по вечерам одной. Явится и еще кто-нибудь из гостей. И случится самый обычный *charmante soiree*, обычный светский вечер среди множества других вечеров.

Кити, хорошенькая и веселая, острая на язычок, будет, как всегда, в центре внимания. А молчаливая и задумчивая Аннет, которую иногда в насмешку называют «Татьяной Лариной», будет тихо сидеть в уголке и смотреть на присутствующих... То есть на одного из присутствующих – но только тогда, когда он точно не сможет заметить, что она на него смотрит. Что она любит им.

А потом граф уедет к своей турецкой жене в свою Олонецкую губернию (надо будет, кстати, взглянуть на карту в папенькином кабинете – далеко ли это от Петербурга? Кажется, к северо-западу... или нет, к северо-востоку), а Аннет выйдет замуж за князя Д.

И похоронит очень-очень глубоко воспоминание о том, чего не было, что просто не имело права быть. Спрячет под снежными сугробами один-единственный июльский луч, пробудивший так некстати ее сердце.

Или... я не скажу Кити ничего. Да, это будет нечестно. Да, не по-дружески. Да, она сможет с полным правом обидеться на меня.

И главное, это будет бессмысленно – ведь почти наверняка явятся и другие гости.

И все же при этой мысли какое-то теплое, радостное чувство охватило меня; какое-то несвойственное мне ранее лукавство, какая-то смышленность вдруг проявились во мне, говорившая, что можно и вовсе даже не трудно устроить все так, чтобы не было никаких других гостей. Всего-то и нужно сказать Лукичу, что папенька ждет графа Алексея Николаевича Безухова, а больше мы никого не принимаем.

И тогда весь вечер мы будем только втроем – папенька, граф и я. И я наберусь смелости и вступлю с графом в разговор. И, быть может, на какое-то волшебное мгновение мне удастся вообразить, что мы не случайно собрались в нашей милой, уютной зеленой гостиной, что граф – мой супруг и что папенька смотрит на нас умиленным и ласковым взором и радуется моему счастью.

Ах, Жюли, не смейся над бедной мечтательницей! Впрочем, я знаю, ты добра и снисходительна к слабостям других так же, как строга и требовательна к самой себе.

* * *

Без пяти шесть я в последний раз взглянула на себя в зеркало и оправила кружевной бант у выреза. Касательно этого банта у меня были сомнения – не слишком ли кокетливо будет с серым бархатным платьем? Но затем все же решилась и приколола бант жемчужной булавкой.

Жемчужина в булавке и короткая жемчужная нитка на шее составляли все мои драгоценности. Бриллиантовые серьги, бриллиантовый кулон и рубиновый с бриллиантами бабушкин браслет были давным-давно заложены безо всякой надежды на выкуп, если только... если только я не выйду замуж за князя Д.

Отражение в зеркале нахмурилось и погрозило мне пальцем. Хотя бы сегодня забудь об этом, велело оно. Что бы ни было потом, сегодняшней вечер – твой. Постарайся же его не испортить!

И я сошла вниз, в гостиную, а ровно в шесть Лукич доложил о приходе графа.

Они вошли одновременно – папенька из своего кабинета и граф из приемной. Граф был не во фраке, а в темно-серой визитке, и то, что цвет его сюртука был в точности под цвет моего платья, заставило мое сердце забиться еще чаще – хотя оно и без того колотилось с такой силой, что странно было, как это ни граф, ни папенька ничего не заметили.

Граф показался мне еще более красивым, чем на бале. Он поклонился и посмотрел на меня с ласковой улыбкой, удивительно шедшей к его правильному загорелому лицу.

И тут мое сердце в тоске упало на паркет и разбилось вдребезги: следом за папенькой из кабинета неторопливо и величественно выплыл князь Д.

«Ах, барышня, – оправдывался после Лукич, – как же я мог их не впустить, если барин, батюшка ваш, приказали впускать в любое время? А всем остальным я говорил, как вы велели: нет, мол, дома. Помилуйте, барышня, совершенно напрасно изволите гневаться...»

К счастью, никто не видел в тот момент ни выражения моего лица, ни того, что я почти без сил оперлась о спинку кресла. Папенька знакомил мужчин друг с другом, а я молила Бога о том, чтобы он не презентовал сразу же князя как моего жениха.

Но этого не произошло. Более того, папенька, заметно волнуясь, стал уговаривать князя вернуться в кабинет, к прерванному деловому разговору.

– Надеюсь, граф, общество моей дочери послужит приятной заменой нам с князем, – обратился папенька к графу, – а мы будем вскорости... вот только закончим с бумагами.

Граф учтиво попросил папеньку не торопиться, и папенька, приобняв князя за талию (точнее, за то место, где она предположительно находилась лет тридцать назад), повлек его к кабинету.

По дороге князь обернулся, с трудом ворочая толстой красной шеей в жестком стоячем воротничке, и с некоторой тревогой бросил взгляд на графа, а затем на меня; но папенька усилил давление и оба наконец скрылись за дверью.

– Колоритный господин, – заметил граф, – и, как мне кажется, знакомый. Ваш родственник, Анна Владимировна?

Я так энергично замотала головой, что граф удивленно взглянул на меня своими глубокими то ли серыми, то ли все же темно-синими глазами.

Опомнившись, я предложила ему сесть.

– Князь Д., ну, конечно же! Он ведь служил в балканскую кампанию по интендантской части; я несколько раз встречал его в Никополе, при штабе главнокомандующего. Только тогда князь совершенно не походил на себя нынешнего: бодрый, худощавый, подвижный и с каким-то голодным блеском в глазах. Впрочем, вам, вероятно, это не интересно – вас ведь тогда и на свете не было...

– Напротив, мне очень интересно! – горячо возразила я графу. – То есть не про князя интересно и не про интендантское ведомство, а про саму кампанию! Поверьте, я много читала о Русско-турецкой войне и об осаде Плевны (признаюсь, Жюли, здесь я немного слукавила – лишь однажды я пролиставала взятые у папеньки мемуары генерала Криденера...), и мне так хотелось бы услышать рассказ очевидца и непосредственного участника... Отчего Плевна сдавалась лишь после третьего штурма? Не из-за нерешительности ли и слабой поддержки румын, наших главных союзников?

Последние слова я произнесла совсем тихо, потому что граф изумленно приподнял свои темные, четкого и ясного рисунка брови, составлявшие изумительный контраст со светлыми волосами. Мне показалось, что я сказала какую-то ужасную глупость и что граф, конечно же, должен немедленно и сразу потерять ко мне всякий интерес.

– Это очень глубокая мысль, Анна Владимировна, – произнес он после паузы. Робко взглянув на него, я поняла, что он не шутит.

– Признаться, я и сам в те времена испытывал подобные сомнения... Однако после выяснилось, что дело все же не в нерешительности румынского короля Кароля I, а в том, что между ставкой государя Александра II и штабом главнокомандующего, великого князя Николая Николаевича, отнюдь не было единодушия...

Граф говорил совершенно серьезно, словно перед ним находилась не семнадцатилетняя выпускница института благородных девиц, а какой-нибудь почтенный, заслуженный полковник генерального штаба. Слушая его голос, довольно низкий, негромкий, но звучный, с чистыми и выразительными интонациями, – голос, который вполне мог бы принадлежать какому-нибудь оперному певцу, – я, признаюсь, недостаточно уделяла внимания содержанию его речи.

– ...все же именно румыны атаковали 30 августа Гривицкий редут, что позволило Скобелеву прорвать оборону турок в Зеленых горах и захватить Исса и Каванлык...

Спохватившись, я дала себе слово немедленно и в подробностях изучить историю последней русско-турецкой войны. Графу было тогда 20 лет, всего на три года больше, чем мне теперь, и всего на год больше, чем безмятежно веселящемуся на балах Петеньке Лопухину.

– Но вы, – дождавшись паузы, тихо спросила я, – вы сами были же в отряде Скобелева?

– Увы, – усмехнулся граф, – во время штурма Плевны я находился в госпитале, с осколочным ранением в плечо, и лишь в сентябре вернулся в строй. Тогда как раз вызван был из России генерал Тотлебен, мой дядя по матери. Он вытребовал меня к себе, в инженерно-осадный полк, и весь сентябрь мы с ним занимались подрывными работами, стремясь перерезать основную дорогу София – Плевна, чтобы лишить турецкий гарнизон продовольствия и боеприпасов. Так что в саму Плевну с саблей наголо я не вступал, – снова усмехнулся граф, – а Османа-пашу и его офицеров увидел лишь после капитуляции.

Я почувствовала, что граф не хочет, чтобы его принимали за героя, но и не кичится ложной скромностью. Он просто говорит то, что есть. То, что было на самом деле.

А часто ли можно встретить в свете людей, которые говорят то, что есть, – особенно дамам? Ах, Жюли, сознание того, что граф, по-видимому, человек не только благородный, но и искренний, заставило мою голову вскружиться не меньше, чем его прекрасная, озаряющая чеканное лицо древнего воина улыбка.

Я почувствовала, что он ответит мне на любой мой вопрос; возможно, не скажет *всей* правды, но и не станет лгать.

На мгновение жуткое искушение *спросить* охватило меня; и поверь, Жюли, мне стоило немалых сил преодолеть его. Чтобы скрыть смущение, я закашлялась и поднесла к лицу платок. Когда же я отняла его, то увидела, что граф протягивает мне какую-то небольшую черную коробочку.

Машинально я приняла ее, но медлила раскрыть.

– Вы ведь, Анна Владимировна, любите фисташки? – спросил граф, и в темных глазах его загорелись уже знакомые мне золотые искорки.

– Да, – смущенно отвечала я, – очень. И фисташковое мороженое...

– Без которого вы остались по моей вине, – кивнул граф, – это потому, что я также очень люблю фисташки. В знак того, что вы на меня не сердитесь, и на память о нашей встрече прошу вас принять эту безделицу...

Я раскрыла коробочку и ахнула от восхищения.

В темно-сером продолговатом бархатном гнездышке лежала искусно сделанная из золота и хризолитов веточка фисташкового дерева, с крошечными эмалевыми листочками и спелыми плодами. Мастерство неведомого ювелира было столь велико, что на листочках были заметны неровности и пятна, словно от укусов гусениц, а сморщенные полураскрытые скорлупки с мас-

лянисто-зелеными плодами были совершенно того же цвета, что и в папенькином ботаническом атласе.

– Граф... Алексей Николаевич... – впервые я назвала его по имени, – я, право же...

Я хотела сказать, что никак не могу принять в подарок вещь не только дорогую, но и обладающую несомненной художественной ценностью. Но тут из кабинета послышались шаги, голоса, дверь открылась, и на пороге появился князь Д., а следом за ним, любезно пропустив гостя вперед, – папенька.

Машинально, не сознавая до конца, что делаю, я захлопнула коробочку и сунула ее между диванных подушек.

Князь Д. посмотрел на меня, затем на сидевшего напротив меня графа, засопел и нахмурился. Папенька, наоборот, имел вид веселый и довольный.

– Надеюсь, друг мой, вы не скучали, – обратился он к графу, улыбаясь и потирая руки. – Аннушка у меня умница, ученая, любительница философии и прочих отвлеченных наук...

При этих словах папеньки князь Д., с некоторыми усилиями разместивший свое широкое тело в кресле рядом с моим диваном, нахмурился еще больше.

Граф с изысканной вежливостью отвечал, что мое общество и разговор доставили ему огромное удовольствие, но сейчас он, к сожалению, вынужден откланяться.

– Как, разве вы не отужинаете с нами? – разочарованно воскликнул папенька. – Прошу вас, Алексей Николаевич, оставайтесь! Как раз сегодня мы собирались тихо и скромно, без всякой пышности, отметить одно весьма радостное семейное событие!

Прижав руки к груди, я так умоляюще взглянула на папеньку, что он осекся.

Граф, ожидая продолжения, пристально смотрел на него. Князь Д. горделиво выпрямился в своем кресле.

– Да и куда вам спешить, – от смущения папенька перешел на игривый тон, – ежели бы еще графиня была в Петербурге... Но ведь вы приехали один, без жены?

Князь Д., услышав, что граф женат, испустил столь явственный вздох облегчения, что граф слегка вздрогнул и перевел взгляд на него. Я же почувствовала, что в мою грудь вонзился еще один остро отточенный кинжал.

– Кстати, давно хотел вас спросить, – продолжал весело папенька, – правду ли говорят, что графиня – турчанка? Как же вам, русскому дворянину, удалось жениться на магометанке?

– Разумеется, это неправда, – отвечал спокойно граф.

На миг мое сердце забилося безумной надеждой, что неправдой была и сама женитьба.

– Мирослава не турчанка, а болгарка, из Видина. Болгаре же, как вам известно, православные, как и мы. Однако мне и в самом деле пора, – сказал граф, вставая.

Я сидела, опустив голову, и не увидела, но почувствовала на себе его взгляд.

Я была не в силах поднять голову и встретиться с ним глазами, потому что мои были полны слез.

– Прощайте, Владимир Андреевич. Прощайте, князь, рад был знакомству. Прощайте, Анна Владимировна, и благодарю за чудесный вечер.

Показалось ли мне, что его голос, произносящий мое имя, прозвучал как-то особенно?

Ах, Жюли, я не могу продолжать сейчас... И без того ты получишь письмо с пятнами от пролитых мною слез – мною, которая, как ты помнишь, никогда не плакала, даже в детстве. Но завтра я непременно соберусь с силами и расскажу тебе, чем закончился сегодняшний вечер. Ах, я все еще слышу его голос, говорящий «прощайте, Анна Владимировна», и мне все кажется, что в нем звучат еле заметные, только для меня одной, нежность и печаль.

Твоя несчастная (надолго ли – быть может, навсегда) Annette.

21 декабря 1899 г.

* * *

В красном саквояже было еще одно письмо от Аннет. Очень длинное.

Бегло просмотрев его утомленными глазами, Ирина Львовна отложила подробное чтение на утро, решив, что непременно должны быть и еще письма.

Вопрос только – где?

Перерывая по второму разу содержимое саквояжа, Ирина Львовна обнаружила сложенную в восьмую часть, пожелтевшей и поистрепанвшейся изнаночной частью наружу, карту Российской империи издания 1913 г.

Без особого удивления (Ирина Львовна уже была убеждена в правильности своей гипотезы) она нашла на карте свой городок, в котором жила и продолжала, до достижения серьезной литературной славы, работать в обычной школе учительницей английского языка – как раз на территории бывшей Олонецкой губернии.

Именно в тех краях и располагалось родовое имение русских предков Карла.

Однако где же могли бы быть остальные письма?

Ирина Львовна хотела немедленно спросить об этом Зою, но, взглянув на часы, поняла, что за разбором мелкого, так называемого «бисерного» почерка и старинной орфографии провела два часа. Зоя, привыкшая вставать рано, давно уже спала.

Ирина Львовна снова взглянула на часы и затем на телефон. Звонить Карлу тоже было неудобно. В это время он, как верный и любящий муж, наверняка находится рядом с женой.

А Ирине Львовне хотелось сообщить о своем открытии ему одному.

Или все же позвонить – у них ведь в Цюрихе времени на час меньше? Или даже на два?

Ирина Львовна уже протянула руку к телефону, но остановилась. «Надо еще раз все хорошенько обдумать», – сказала она себе.

Чего я, собственно, хочу?

Ну, я хочу помочь ему в его поисках. Действительно хочу.

Затем – мне самой очень интересна эта история. Анна Строганова – внучка моего прапрадеда Андрея Строганова, который, возможно, является и прапрапрадедом Карла.

Если правда то, о чем я думаю, и Аннет выйдет не за толстого старого князя Д., а за молодого и красивого, хотя в настоящий момент женатого – но мало ли что может случиться? – графа Б., и у них родится дочь, которой суждено будет стать бабушкой Карла...

...тогда получится, что мы с ним и в самом деле родственники.

Ирина Львовна улыбнулась грустно и светло, вспомнив события, после которых Карл совершенно серьезно стал называть ее сестрой. И относиться к ней как к сестре.

Как в воду смотрел.

И еще – главное, самое главное! – я хочу, чтобы он приехал. Один, без жены. Хочу видеть его, говорить с ним, хочу гулять с ним по притихшей от жары июльской Москве... раз уж ничего другого мне не светит.

Ничего другого не светит не из-за родства, разумеется настолько дальнего, что и говорить не о чем, а из-за того, что он женат и любит свою жену, мать своего сына.

Русскую, как и я.

Учительницу, как и я.

Вдобавок совсем уж немолодую – на десять лет старше меня... и на четыре года старше самого Карла.

И что с того, что старше? Ее он любит, а меня... Тоже любит, но как сестру.

И ничего здесь нельзя поделать.

Или все-таки можно?

* * *

Жюли, давеча я обещала рассказать, чем закончился вечер. Что ж, ты легко могла бы догадаться и сама. Папенька объявил мне, что благодаря моему согласию уладил все свои дела с князем Д. Князь Д. готов простить ему все карточные долги и даже уплатить по другим папенькиным векселям, если я сделаю его окончательно счастливым и соглашусь на свадьбу до Великого поста.

– Князь влюблен в тебя, словно молодой и пылкий юноша, – улыбаясь и потирая руки, говорил папенька, а я лишь все ниже и ниже опускала голову.

– Он признался, что ждать до весны ему совершенно невыносимо... Что я мог возразить против подобной страсти? Да ведь и ты же дала свое согласие! Если дело решенное, для чего откладывать?

Признаюсь, Жюли, в тот момент в душе моей шевельнулось враждебное чувство к отцу. Как он мог так говорить?! Неужто он совсем не понимает, не хочет понять...

Впрочем, может, и не понимает – не ему же идти за князя замуж!

К тому же папа думает, что сердце мое свободно, что я никого не люблю. А тогда – не все ли равно: князь ли, другой ли... Князь даже и предпочтительнее, оттого что человек не чужой, а хорошо знакомый, папенькин друг. Любит меня и готов взять без приданого.

Нет, папенька, как всегда, мыслит логично и правильно. Еще третьего дня я готова была скрепя сердце с ним согласиться и просила лишь об отсрочке.

Третьего дня – но не теперь.

Я не стала ничего возражать. Да и что я могла бы сказать – что влюблена в человека, за которого никогда не смогу выйти замуж?

И снова меня ждала бессонная ночь, и снова поутру подушка моя была мокра от слез.

Утром папенька предложил мне заняться свадебными туалетами и не беспокоиться о счетах – жених все оплатит.

Я уже настолько овладела собой, что выразила свое согласие и сказала, что в помощь себе возьму Кити. Вот сейчас, прямо после завтрака, возьму извозчика и поеду к ней.

Папенька, весьма довольный тем, что ему не нужно будет сопровождать меня в торговые ряды, к шляпнице и модистке, а также тем, что мы с Кити для разъездов воспользуемся ее экипажем, выдал мне полтинник на извозчика и разрешил не торопиться с возвращением домой.

Оказавшись на улице, я глубоко вдохнула свежий морозный воздух. Мимо как раз ехал свободный извозчик; но вместо того чтобы подзвать его, я перешла на другую сторону улицы.

Как и давеча в Александровском саду, меня охватило странное чувство: мне представлялось очень важным то, что я делаю или *не делаю* именно сейчас. Подзови я извозчика, вели ему ехать на Васильевский остров к Кити – и все пойдет так, как желают папенька и князь Д.

Отсрочивая неизбежное, я сохраняла за собой видимость свободы. Я могла еще немного помечтать о том, чтобы сделать свой собственный выбор. Я могла еще немного помечтать о графе... об Алексее... о том, чтобы произошло чудо и он оказался бы свободным. И о том, чтобы произошло еще одно чудо – и я бы понравилась ему.

А если б этих чудес не произошло – ведь чудес не бывает, – то хотя о том, чтобы дела наши каким-то образом поправились и мне не надо было бы для спасения папеньки выходить замуж за князя.

Я вижу, как ты хмуришься, читая эти строки. Да, моя милая, моя справедливая и правильная Жюли, я действительно мечтала (о, и еще как!), чтобы граф сделался свободным. Может, он не так уж сильно любит эту свою болгарскую жену, раз приехал в Петербург без нее и за двадцать лет супружеской жизни у них не появились дети?

Я знаю, это жестокие и, наверное, глупые мысли. Знаю, но не могу корить себя за них.

Между тем я и не заметила, как оказалась на Малой Конюшенной, у бакалейной лавки, в которой папенька обычно заказывал английский чай. В витрине, как всегда, ослепительно сияли украшенные золотой мишурой огромные сахарные головы. Молодой приказчик выскочил из дверей и поклонился мне, как знакомой.

Я кивнула, улыбнулась и поспешила к Невскому проспекту.

Без особого удивления я поняла, что, пока я размышляла, ноги мои сами выбрали направление. Это направление было указано на карточке графа, которая после бала постоянно была со мной. «Собственный дом в Гороховой улице» – значилось там.

Главное – не спрашивать себя, *зачем* я туда иду.

И что буду делать, когда дойду.

У книжной лавки Смирдина я остановилась – вспомнила, как мы с отцом заходили туда в прежнее, безмятежное и беспечальное время. Папенька сразу шел в картографический отдел. Помнишь, как все недоумевали, а иногда и подшучивали над ним: откуда в тихом петербургском домоседе, никогда не бывавшем далее Москвы, такая страсть к картам и атласам далеких неведомых стран? Я же отправлялась в «романтическую» или перелистывала французские журналы.

А еще я остановилась, потому что перед входом в лавку увидела карету, на козлах которой сидел черный лакей графа.

* * *

Думаю, что и ты, моя разумная Жюли, поступила бы так же, как и я: зашла бы в лавку. Вместо того чтобы пройти мимо, поймать на Невском извозчика и поехать наконец к Кити.

Не останавливаясь и не оглядываясь, я прошла к лестнице на второй этаж. Я была уверена, что не встречу графа ни в романтической, ни в журнальной. Его следовало искать наверху – в медицинской, военной или философской.

Представь себе, я почувствовала, что он близко, еще до того, как увидела его.

Граф находился в самой дальней и безлюдной части лавки – в букинистической, где, слегка нахмурившись, перелистывал положенный на пюпитр громоздкий пыльный фолиант.

Он был в длинном черном пальто английского сукна, с клетчатым английским же шарфом, без шапки. На фоне солидных петербургских господ в кунных и собольих шубах и бобровых шапках «пирожком» он выглядел совершенным иностранцем.

Я почувствовала немалое смущение оттого, что стоит ему немного повернуть голову – и он увидит меня. Не сбежать ли, пока не поздно? Вдруг он подумает, что я ищу с ним встречи?

Я вдруг увидела себя со стороны: старенький лисий салоп, потертый капор, поношенные перчатки... лицо, то и дело вспыхивающее глупым девическим румянцем, – и отступила на шаг.

Но было поздно. В комнату вошел служитель и, почтительно поклонившись графу, о чем-то тихо спросил его.

– Да, – отвечал граф, – да, разумеется. – Он оторвал взгляд от фолианта и заметил меня. И улыбнулся. Безо всякого удивления, словно ждал меня именно здесь и сейчас.

– Анна Владимировна, – сказал он.

– Алексей Николаевич, – сказала я.

– Я нашел здесь самое полное собрание литографий Розетского камня, – сказал он спокойно, словно продолжая только что прерванную беседу, – издания 1822 г, с реконструкцией отсутствующих фрагментов и переводом г-на Шампольона... – Тут он отвел от меня взгляд, за что я была ему искренне благодарна. По мере того как он говорил о возможных значениях египетского иероглифа «анк», я перевела дыхание, сердце мое перестало бешено колотиться, а щеки и лоб приобрели прежний, допустимый в приличном обществе цвет.

И когда в букинистическую зашел профессорского вида господин в шубе и с тростью, я слушала графа с видом совершенно спокойным и невозмутимым.

Затем мы спустились вниз. Следом за нами шел служитель, бережно неся на вытянутых руках упакованный в пергаментную бумагу фолиант.

На улице граф сделал небрежный знак рукой, и сразу подъехала его карета.

Смуглый, черноусый, с сабельным шрамом на щеке лакей соскочил с козел, бросив на меня быстрый внимательный взгляд, тут же сменившийся, впрочем, выражением полного равнодушия.

– Куда вы теперь, Анна Владимировна? – осведомился граф. – Не окажете ли мне честь, позволив подвезти вас? – При этом правой рукой, облитой тонкой кожаной перчаткой, он сам, не дожидаясь лакея, приоткрыл дверцу кареты, а левую, без перчатки, загорелую, изящную, с длинными пальцами музыканта, протянул мне.

– Я, право, не знаю... – смущенно забормотала я, немедленно покрывшись несносным румянцем, в то время как какая-то часть меня во весь голос кричала: «Прочь! Немедленно беги отсюда! Стоит тебе коснуться его руки, и ты погибла!»

Но мысль о возможной гибели почему-то нисколько не испугала меня. Напротив: мне захотелось снова испытать то радостное, ликующее ощущение июльской теплоты, то ласковое, но не обжигающее прикосновение, что я почувствовала на бале. Тогда его губы лишь слегка коснулись моей обтянутой белым шелком руки; теперь же я, как во сне, сама сняла перчатку и оперлась о его ладонь.

Это было как удар электрического тока, беззвучный, безболезненный, но ошеломляющий. И, клянусь тебе, Жюли, он тоже что-то почувствовал. Я увидела это по его глазам, на мгновение вспыхнувшим ярким золотым светом.

Впрочем, он тут же овладел собой, и сторонний наблюдатель, если б таковой случился поблизости, наверняка подумал бы, что в его глазах просто-напросто отразилось брызнувшее из-под туч низкое зимнее солнце.

– Вы, верно, хорошо знаете Петербург? – ровным дружелюбным тоном спросил граф, когда мы уже сидели в карете и лошади неторопливо тронулись в сторону Зимнего дворца. Стараясь, чтобы мой голос звучал не менее ровно и светски-любезно, я отвечала, что мы с папенькой привыкли совершать длительные прогулки и что в Петербурге немного найдется мест, мне незнакомых, – разве что какие-нибудь трущобы.

Граф слегка улыбнулся, но в его голосе не было и тени насмешки, когда он сказал:

– В таком случае, Анна Владимировна, не желаете ли совершить со мной небольшую прогулку в те места, где вы, скорее всего, никогда не бывали раньше?

На миг мне пришла в голову вздорная мысль, что граф собирается везти меня именно в трущобы. Чтобы скрыть стыд и смущение от собственной глупости, я ответила графу несколько более смело, чем намеревалась:

– Отчего же нет?

У меня на языке вертелось и вовсе неподобающее «хоть на край света!» – но, к счастью, я смогла удержаться.

* * *

Всего несколькими минутами спустя мы остановились у Исаакиевского собора. Я была немало удивлена тем, что под «местами, где я, скорее всего, никогда не бывала ранее» граф разумел самое посещаемое петербуржцами творение Огюста Монферрана.

Однако еще большее удивление вызвало то, что мы не стали подниматься по мраморным ступеням под колоннаду, а обогнули собор со стороны Почтамтского переулка. Граф тихо постучал в неприметную, почти сливающуюся со стеной дверцу. Она открылась, из-за нее

выглянул дьячок совершенно обычного, даже какого-то затрапезного вида, в закапанном воском подряснике, и, опасливо глянув по сторонам, пригласил нас войти. Радужная денежная бумажка, совершив краткое перемещение из пальцев графа в подставленную ладонь дьячка, привела к всевозможным изъявлениям благодарности со стороны последнего.

Граф взял меня под руку – эта предосторожность была не лишней, потому что вокруг нас царила полутьма, а в дощатом настиле, прикрывавшем пол, зияли широкие щели. Я не знала и не представляла себе, что в главном петербургском соборе, в этом новом, золотом, мраморном, малахитовом, полном драгоценных мозаик и витражей дворце, могут быть такие укромные уголки, куда даже церковное пение доносится еле слышно, словно с очень большого расстояния.

Повторюсь, Жюли, я была как во сне. Глаза мои были широко раскрыты; сердце билось учащенно. Я была готова к любым чудесам – к тому, например, что сейчас мы спустимся в подземелья, полные сокровищ, и там граф, осыпав меня золотым дождем, предложит мне весь мир в обмен на мою любовь. А я скажу ему, что мне не надо золота и всего мира – достаточно одного его сердца...

Но этого, разумеется, не произошло. Ни в какие подземелья мы не спускались, а довольно долго шли по деревянному мосту, пока не поднялись на несколько деревянных же скрипучих ступенек и не оказались у подножия винтовой лестницы.

Тут граф отобрал у дьячка подсвечник с тремя трепещущими на ветру свечами (откуда-то дуло, и очень сильно) и спросил, не боюсь ли я высоты.

– О нет, нисколько, – ответила я, думая, что винтовая лестница не может быть длинной и мы едва ли поднимемся далее двух-трех этажей.

– Тогда – вперед, – улыбнулся граф, пропуская меня перед собою. Я заметила, что в свободной руке он держит какой-то небольшой сверток, но спрашивать об этом не стала. Мы начали подниматься – я, затем граф, отставая от меня ровно настолько, чтобы свечи освещали мне дорогу и чтобы он мог подхватить меня, если я вдруг оступлюсь на довольно высоких и неудобных ступенях.

Признаюсь, такая мысль – нарочито оступиться – мелькнула у меня в голове, но я все же решила не рисковать...

Дьячок остался внизу.

Мы поднимались по узкой лестнице долго, очень долго, так что у меня заныли ноги и я потеряла всякое представление о пройденном расстоянии. По пути на равных промежутках попадались небольшие площадки, где можно было остановиться и перевести дух, но я, не желая, чтобы граф принял меня за обычную томно-изнеженную петербургскую барышню, продолжала упорно взбираться вверх.

Наконец я почувствовала, что не в силах двигаться дальше. На очередной площадке, которую освещал неведомо откуда берущийся слабый свет, я прислонилась к стене и закрыла глаза. Граф немедленно оказался рядом, вставил подсвечник в железное, вделанное в стену кольцо и достал из внутреннего кармана пальто плоскую серебряную флягу.

– Выпейте, – сказал он, локтем прижимая свой сверток и отвинчивая крышечку, – вам сразу же станет легче.

Я взглянула на него из-под отяжелевших ресниц: он выглядел так, словно не поднимался все эти века и версты вместе со мной, а совершил неспешную приятную прогулку от Исаакия до Сенатской площади. Взглянула на фляжку, поднесенную к моим губам, и решила, что тяжелее, чем сейчас, мне уж точно не будет.

Холодная темно-коричневая жидкость с сильным незнакомым запахом вначале обожгла мне губы своей остротой; но почти сразу же я почувствовала бодрость и прилив сил. Я хотела сделать еще глоток, но граф отнял у меня флягу и бережно закрутил крышку.

– Больше нельзя, – произнес он, словно бы извиняясь.

– А что это?

– Настой орехов кола. Его изготавливают дикие племена Центральной Америки для поддержания сил своих воинов в походах или для тяжелой работы.

– Центральная Америка, надо же, – говорила я, чувствуя, что голова моя становится ясной, мысли – четкими, а тело наполняется божественной легкостью, – вы, стало быть, и там побывали...

Граф кивнул, глядя на меня с веселым любопытством.

– Как вы себя чувствуете, Анна?

– Отлично! – воскликнула я в восторге. – И как замечательно, что вы больше не зовете меня «Анной Владимировной», будто я какая-нибудь старушка! А можно, я тоже буду звать вас просто Алексей?

Граф снова кивнул и хотел что-то сказать, но я под воздействием все растущей во мне легкости и силы перебила его:

– Так что же мы тут стоим? Вперед! Мне кажется, я могу пройти еще десять раз по столько же!

– Ну, так далеко не потребуется...

И действительно, вскоре мы очутились под открытым квадратным люком, из которого лился дневной свет и сыпались снежинки. Туда вела последняя лестница, короткая, прямая и такая крутая, что едва ли мне удалось бы ее одолеть без чудодейственного напитка и помощи Алексея. Здесь он поднялся первым и, присев на краю невидимой мне поверхности, протянул мне руку.

Я выбралась наверх и ахнула от восхищения.

Мы находились на верхней колоннаде купола Исаакиевского собора, и перед нами как на ладони лежал весь укрытый снежной дымкой Петербург.

* * *

Ах, Жюли, если бы ты знала, какая это была величественная и прекрасная картина!

У меня нет слов, чтобы описать тебе всю красоту заснеженного, но отлично видимого – до самых своих окраин – города!

Однако и холодно же было там, выше птичьего полета, ах как холодно и ветрено! Даже каменные ангелы, стоявшие на узком парапете, снизу казавшиеся совсем крошечными, а отсюда – величественными и огромными, казалось, побледнели от ледяного ветра и сыплющейся на них снежной крупы.

Этот ветер мгновенно выдул из меня последние остатки бодрящего напитка и заставил, дрожа, поднять воротник, а руки в тонких перчатках спрятать в рукава. И вдруг мне стало тепло – это граф, развернув свой сверток, оказавшийся мягким шотландским пледом, закутал меня в него с головой, как ребенка.

Сквозь крошечное отверстие, оставлявшее неприкрытыми только глаза, я любовалась лежащим внизу городом. Граф придерживал плед на моих плечах, чтобы он не развернулся, и я ощущала заботливые прикосновения его рук.

Никогда еще в жизни я не чувствовала себя такой счастливой!

Поднявшись сюда, я словно оставила внизу все свои тревоги, сомнения и страхи перед будущим. Тебе трудно будет в это поверить, но клянусь – в тот момент мне было все равно, что будет дальше. Прошлое ушло, а будущего еще не было – существовала только эта, летящая, несомая на крыльях ледяного ветра минута в недостижимой простым смертным высоте...

Мы оба молчали. Но даже не глядя на него, я чувствовала, я знала, что он, так же как и я, наслаждается этой минутой дикой, неопишуемой, освобождающей от всех и всяческих условностей и закрепощений – свободы.

* * *

Когда мы пошли вниз, я с удивлением почувствовала, что спускаться с большой высоты гораздо труднее, чем подниматься. Это маленькое открытие навело меня на мысль о том, сколь многого я еще не знаю и сколь многое могла бы повидать, сколь многому могла бы научиться, имея в друзьях (о, хотя бы в друзьях!) такого человека, как Алексей. Печальная глубина этой мысли затуманила мои глаза, и они не наполнились слезами только потому, что надобно было очень внимательно смотреть себе под ноги.

Алексей также был молчалив и задумчив.

Оказавшись внизу, на твердой земле, я робко взглянула в его лицо. Впервые за все время нашего знакомства он встретил мой взгляд без улыбки. Его лицо было строго, почти сурово.

Мое сердце цепенящей рукой сжала тоска. Но потом что-то случилось – то ли в его глазах промелькнуло нечто, то ли я стала необыкновенно проницательной, – я поняла, что сердится он вовсе не на меня. И что у него, возможно, так же тяжело на сердце, как и у меня, и он не хочет скрывать это за маской светской любезности.

Мы спустились вниз, на землю, дела и заботы земли немедленно охватили и опутали нас...

Ах, Жюли, что я могу сказать еще?

Он отвез меня домой, за весь путь не проронив ни слова. Лишь когда карета остановилась у нашего дома и мы вышли, он взял мою руку в свою ладонь, но не поднес к губам, как я надеялась, а лишь слегка сжал и сказал дрогнувшим голосом:

– Прощайте, Анна! Будьте счастливы!

– Прощайте, граф, – чуть слышно ответила я и, повернувшись, убежала в дом, чувствуя, как слезы катятся по моим щекам, торопливо смахивая их и радуясь, что этого не видят ни Алексей, ни его равнодушный ко всему черный слуга, ни Лукич, тяжелые шаги которого уже слышны были за дверью.

Дома я объявила папеньке, что не выйду замуж за князя.

22 декабря 1899 г.

* * *

– Бабушка все время жила с нами, – сказала Зоя, торопливо глотая сваренный Ириной Львовной кофе, – дядю Льва, папашу твоего, она любила, а вот мать твою терпеть не могла...

Ирина Львовна кивнула – это она прекрасно знала и без Зои. Как и то, что никаких бабушкиных или тем более прабабушкиных бумаг в их доме не было.

– Еще сливок, пожалуйста. И круассан.

Ирина Львовна подала требуемое. За любимыми Зоиными круассанами с вишневым джемом она специально рано утром сбегала за два квартала в булочную, располагающую собственной хлебопекарней.

– Ну, мне пора. На дежурство опоздаю. После поговорим.

Ирина Львовна пошла следом за Зоей в прихожую. Там на полу в беспорядке была свалена мужская и женская летняя обувь. Зоя, чертыхаясь, принялась искать в этой куче свои голубые босоножки.

– Зоенька, – искательно предложила Ирина Львовна, – давай я тебе полку для обуви куплю!

Зоя недоверчиво покосилась на нее. Потом вздохнула и вытащила из-за деревянной вешалки зонт с двумя оголенными спицами.

– И зонтик зашью...

– Ладно уж, – усмехнулась Зоя, складывая зонтик и запихивая его в свою большую клеенчатую сумку, – я ведь знаю, что от тебя просто так не отделаешься. У прабабушки Юлии были, кроме нашей бабушки, еще две дочери. В гостиной, в тумбочке под телевизором, под газетами, – черная папка. Там найдешь имена, явки и адреса. Ну, все, я погнала. Но полку для обуви все равно можешь купить!

Ирина Львовна закрыла за Зоей дверь и на цыпочках, прислушиваясь к раздающемуся из спальни могучему храпу Виталия, вернувшегося, как и предсказывала Зоя, только под утро, прошла в гостиную.

Она чувствовала такое нетерпение и такой охотничий азарт, что у нее тряслись руки.

* * *

В черной папке из искусственной кожи, потускневшей от времени, покрытой мелкими пыльными трещинками, Ирина Львовна нашла такую же старую, всю исписанную старательным детским почерком записную книжку. Несмотря на то что Зоя вот уже двадцать лет была важным и ответственным медицинским работником, почерк ее не приобрел профессиональной неразборчивости и был легко читаем.

Несколько раз перелистав книжку, Ирина Львовна нашла наконец нужные имена – «баба Таня» и «баба Настя». Оба имени были записаны на букву «б».

У бабы Тани значился московский телефонный номер, и никаких больше пометок; у бабы Насти только адрес: Ярославль, Сиреневый переулок, д. 6, и тонкий черный крестик, поставленный явно позднее.

Ирина Львовна немедленно набрала московский номер. «Набранный вами номер не существует», – откликнулся металлический голос автомата.

Ну вот и все, подумала Ирина Львовна. Приехали.

Чтобы продолжать поиски, надо располагать временем, деньгами, возможно, связями в музейно-архивных кругах. А самое главное, надо знать, как это делается. Как искать нужную информацию.

Ну, время-то у нее есть.

Двухмесячный законный учительский отпуск отгулян меньше чем наполовину. С деньгами несколько хуже; если, например, съездить в Ярославль и остановиться там на денек-другой, от денег почти ничего не останется. Со связями в архивных кругах и умением добывать информацию дело обстоит и вовсе плохо – нету их, этих связей и этих умений.

И она совершенно не представляет себе, где и как искать следы, скорее всего, давно умерших бабушек и их родственников.

Стало быть, в одиночку она не сможет сделать ничего.

И, значит, уже не просто очень хочется, а прямо-таки необходимо, чтобы Карл приехал в Москву!

Во-первых, эта история непосредственно касается его предков и не может его не заинтересовать.

Во-вторых, мысленно загнула палец Ирина Львовна, у него сейчас тоже законный учительский отпуск, который он, как директор лицея, может продлить себе настолько, насколько сочтет нужным.

В-третьих, он человек достаточно обеспеченный, чтобы без напряжения потратиться на небольшое расследование и необходимые разъезды в чужой стране.

В-четвертых, кому, как не ему, профессору истории и археологии, знать, как добывается нужная информация и как отыскиваются столетней давности документы.

И наконец, в-пятых, в пестрой трудовой биографии нынешнего профессора истории и археологии имеются пятнадцать лет работы в полиции. Она, Ирина Львовна, ни за что не

поверит, что он подзабыл кое-какие полезные навыки и растерял международные полицейские связи. Был уже прецедент, свидетельствующий о том, что ничего он не забыл и не растерял.

У нас, в России, три года назад.

Ирина Львовна, поздравив себя с безупречно выстроенной цепочкой аргументов, взяла свой мобильный телефон и набрала номер Карла.

* * *

Карл, чуткий и внимательный, как всегда, сразу же предложил перезвонить, чтобы она не тратилась на дорогой международный разговор. Ирина Львовна сообщила ему Зоин домашний номер, перенесла телефонный аппарат из прихожей в гостиную и достала из сумочки ручку и блокнот.

Как и всегда, услышав его голос, Ирина Львовна почувствовала приятное волнение и легкое покалывание в кончиках нервов, словно после бокала хорошего шампанского. Довольно низкий, негромкий, но звучный, с чистыми и выразительными интонациями, «голос, который вполне мог бы принадлежать какому-нибудь оперному певцу», вспомнила Ирина Львовна. Аннет совершенно права, так оно и есть.

Вообще, если верить ее описаниям, граф Алексей Безухов поразительно похож на Карла Роджерса. Прадед на правнука. Хотя правильнее было бы сказать – правнук на прадеда. Вот если бы еще удалось убедить в этом Карла...

Как и всегда, Карл не заставил себя ждать. Судя по звукам, доносившимся из трубки, он звонил откуда-то с улицы. «Похоже, жены рядом с ним нет», – обрадовалась Ирина Львовна и сразу же заговорила о деле.

– Подожди, – извинившись, перебил ее Карл, – уйду подальше от шума... Да, теперь хорошо. Значит, ты сейчас в Москве, у своих родственников... и ты обнаружила... что именно ты обнаружила?

Ирина Львовна терпеливо вздохнула. Ничего удивительного, ведь русский язык ему не родной, и к тому же он предпочитает неторопливое и последовательное изложение фактов. Что ж, изложим неторопливо и последовательно. Если он никуда не спешит, то уж она-то – тем более!

При последовательном изложении факты кончились как-то удивительно быстро. Пришлось перейти к домыслам и предположениям.

– Интересно, – сдержанно отозвался Карл, когда она остановилась, чтобы перевести дух и вспомнить, не было ли в письмах еще чего-нибудь существенного.

– Однако почему ты так уверена, что речь в письмах идет именно о моем прадеде? Судя по адресным книгам дореволюционной России, фамилия Безухов была в то время довольно распространенной. Даже герой Льва Толстого...

– Да? А имение в Олонецкой губернии? А внешнее сходство? А... – тут Ирина Львовна даже слегка задохнулась, вспомнив одну действительно важную вещь, – а... ну-ка, скажи мне, любезный брат мой, как звали твою русскую бабушку? Имя ее скажи и, главное, отчество!

– Ее звали Елизаветой Алексеевной, – после некоторой паузы сообщил Карл.

– Ага! – торжествующе воскликнула Ирина Львовна, – а ведь имя-то графа Алексей! Алексей Николаевич Безухов! Ну что, малoverный, теперь ты убедился?!

– Ну... возможно.

– Да чего там – возможно, – настаивала Ирина Львовна, – все так и есть! Когда ты приедешь? Может, я закажу нам... тебе... гостиницу, а то у моих родственников, знаешь ли, хрущевская «двушка»...

– «Двушка»? – в задумчивости повторил Карл, – а, это такая маленькая квартира?

– Очень маленькая, – подтвердила Ирина Львовна. – И муж сестры – алкоголик.

– Видишь ли, Ирина... ты меня почти убедила. Думаю, смогу приехать в октябре или ноябре.

– Нет! – горячо возразила Ирина Львовна. – Если хочешь узнать правду и раскопать всю эту историю, приезжай сейчас. В октябре у меня не получится – учебный год, если ты помнишь... Я же не могу, как ты, в любое время бросать свою работу и разъезжать по собственным надобностям! А без меня тебе не справиться, бумаги-то все у *моих* родственников!

«Шантажистка я», – улыбнулась про себя Ирина Львовна. Ничего, цель оправдывает средства!

– Хорошо, – согласился Карл. – Я приеду. Надо будет получить российскую визу, уладить кое-какие дела... в общем, дней через пять-семь. Об отеле не беспокойся, я закажу сам, через Интернет. И для тебя возьму номер, раз уж у твоей сестры этот... хрущевский алкоголик. Гостиница «Националь» подойдет?

– Это на Моховой, что ли? С видом на Кремль? – небрежно спросила Ирина Львовна. – Подойдет.

Несколько минут спустя Зоин муж Виталий, пробудившийся от жесточайшей, непереносимой головной боли и по ошибке вместо кухни заглянувший за рассолом в гостиную, оставившись на пороге, пораженный невиданным зрелищем. Двоюродная сестра его жены, сухая, желчная, занудная и высокомерная Ирка, захватив пальцами длинные манжеты шелковой блузки, стуча по ковру тощими босыми ногами, азартно отплясывала лезгинку.

* * *

Насчет «Националя», разумеется, была шутка. Ирина Львовна отлично знала, что русская щедрость и широта души успешно сочетаются в Карле с чисто немецкой бережливостью и отвращением к бессмысленному расточительству. Кроме того, Карлу совершенно не свойственно было какое бы то ни было самовознесение и самолюбование – или, попросту, пошкотьному говоря, какой бы то ни было выпендрож.

Ирина Львовна полагала, что Карл, скорее всего, найдет какое-нибудь тихое, уютное, в высшей степени приватное место неподалеку от центра города; неброское, без изысков, но с достойным европейским уровнем сервиса и комфорта.

Ирина Львовна понятия не имела о том, где в Москве имеются подобные места и имеются ли они вообще. Но считала, что для человека, нашедшего золото Монтезумы в Мексике, Шамбалу в Тибете и развалины Атлантиды у греческого острова Санторин, поиск этих мест не станет такой уж невыполнимой задачей.

* * *

Как ни хотелось ей похвастаться перед кузиной скорым приездом в Москву своего главного литературного героя, она сочла за благо сдержаться.

Зоя в существование Карла не верила. Она говорила, что все это выдумки, буйная писательская плюс неудовлетворенная женская фантазия; что таких мужиков в природе, конечно же, не бывает и что фотографии Карла Ирина Львовна просто-напросто скачала из Интернета, с какого-нибудь сайта, типа «Звезды Голливуда», а потом обработала в фотошопе.

Ирине Львовне и подумать было страшно о том, что будет, каким изощренным и жестоким насмешкам подвергнется она в доме сестры, если Карл по каким-нибудь причинам все же *не* приедет в Москву.

Поэтому Ирина Львовна продолжала вести внешне обычную гостевую жизнь. Посетила Пушкинский музей и Третьяковскую галерею, магазины ГУМ и ЦУМ, побывала на Воробье-

вых горах. Прогулялась пешком по старому и новому Арбату и даже купила на вещевом рынке в Лужниках обещанную Зое вертикальную обувную полку.

Все эти прогулки имели для Ирины Львовны, кроме туристской, очевидной для всех, еще и тайную, особую привлекательность. Она представляла себе, как будет бродить здесь с Карлом, как покажет ему дивный вид на Москву с Воробьевых гор. Как будет вести с ним деловые беседы, обсуждать планы поисков и полученные результаты, дабы он в полной мере смог оценить всю гибкость, находчивость и нестандартность ее мышления.

Ее острый неженский ум, ее начитанность, ее кругозор, ее безупречная логика – все то, что столь выгодно отличает ее от других женщин.

Ее единственную сильную сторону... Если не считать определенного литературного дарования и темно-зеленых, редкого изумрудного оттенка, глаз.

И, возможно, наступит время, когда он поймет, что так *интересно*, как с ней, ему не будет никогда и ни с кем.

В том числе и с женой. Аделаида, по мнению Ирины Львовны, в плане умственного развития была совершенно обыкновенной женщиной. А после рождения своего очень позднего ребенка – и вовсе могла утратить последние культурно-интеллектуальные запросы.

Она же, Ирина Львовна, должна стать для Карла незаменимым помощником и сотрудником. Собеседником, коллегой, другом и товарищем, наконец...

И наступит момент, когда он вдруг заметит, что у его верного друга и товарища по поиску русских предков очень красивые глаза. И что глаза эти загораются ярким изумрудным пламенем каждый раз, когда встречаются с его – то ли темно-синими, то ли серыми, как наше Балтийское море в грозу...

* * *

Ровно неделю спустя Ирина Львовна, с трудом сдерживая сильно бьющееся под новой, специально купленной оранжевой блузкой сердце, летела в скоростном автобусе в международный аэропорт «Шереметьево».

В зале для встречающих она увидела цветочный ларек и остановилась в нерешительности. Потом вспомнила, что Карл любит розы, и полезла в бумажник.

Денег по наглым аэропортовским ценам едва хватило бы на три маленьких и увядших белых цветка или на один роскошный, густого солнечно-оранжевого, как ее блузка, цвета, размером с чайное блюдо.

На обратную же дорогу из аэропорта (в случае, если Карл не прибудет и ей придется возвращаться самостоятельно) средств не оставалось вовсе.

Но Ирину Львовну это не остановило. Решительно выпятив нижнюю губу, она приобрела одну роскошную розу и, не удержавшись, тут же сунула нос в ее благоухающие лепестки.

А совсем скоро, через каких-нибудь полчаса, если верить электронному табло, ей посчастливится вдохнуть и другой аромат. Солнце – грозовая свежесть – полынь. *Его* запах.

* * *

Самолет авиакомпании Swissair совершил посадку с ювелирной точностью, в том числе и по времени – ровно в 12 часов дня.

Ирина Львовна, защищая ладонью розу, приподнялась на цыпочки в тесной толкающейся толпе.

К счастью, Карл не заставил себя ждать.

Он появился одним из первых. Лево́й рукой он катил свой большой знакомый Ирине Львовне чемодан на колесиках, а в правой нес пухлого темноволосого и белолицего, очень похожего на Аделаиду, малыша.

Зачем он взял с собой сына, удивилась Ирина Львовна; и как это Аделаида позволила?

Но тут же получила ответ на свой вопрос. Следом за Карлом, улыбаясь вертевшему головой мальчику усталой улыбкой, выплыла сама Аделаида – еще больше располневшая в свои почти пятьдесят, но все еще, как с горечью отметила Ирина Львовна, замечательно красивая.

Конечно, как она могла подумать, что Аделаида отпустит Карла одного? Да еще и в Россию?

Сказала ему, наверное, что соскучилась по Родине, ну и все такое... а может, и ничего не говорила, а просто поставила перед фактом: или летим все вместе, или никто никуда.

«Я на ее месте поступила бы точно так же», – вздохнула Ирина Львовна.

Карл заметил ее почти сразу. Он широко и радостно улыбнулся, и у Ирины Львовны немного отлегло от сердца. Все-таки он прилетел, он здесь, на одной с ней земле, и он явно рад встрече.

А дальше... дальше будет видно. Аделаида, насколько было известно Ирине Львовне, никогда особо не интересовалась историей. К тому же Аделаиде придется заниматься ребенком. И, стало быть, она не станет активно участвовать в их с Карлом исторических изысканиях.

Поэтому, когда Карл расцеловался с ней (по-братски, разумеется, в щеку), а протянутую розу сразу же передал жене, Ирина Львовна улыбнулась Аделаиде и приветствовала ее почти безо всякого неприязненного чувства.

* * *

– Это любопытно, – согласился Карл, дочитав последний пожелтевший, почти прозрачный от времени листок, – очень любопытно.

Все время, пока он читал, Ирина Львовна, развалившись в мягком гостиничном кресле и потягивая через соломинку доставленную из гостиничного бара пинаколаду, наблюдала за меняющимися выражениями его правильного загорелого лица.

Иногда он хмурился, разбирая завитушки мелкого изящного почерка и многочисленные «яти», «фиты» и «ижицы». Ирина Львовна предлагала ему свою помощь, но он вежливо отказался, объяснив, что не может упустить такой случай – освежить в памяти старинную русскую орфографию.

Аделаида ушла гулять с малышом в ближайший скверик на Цветном бульваре. Уходя, она совершенно спокойно и дружелюбно кивнула остающейся наедине с ее мужем Ирине Львовне, так что Ирина Львовна вместе с облегчением почувствовала и некоторую досаду: что это она, совсем ее за женщину не считает, что ли?

– Да, – сказал Карл, возвращая письма Ирине Львовне. – Похоже, речь действительно идет о моем русском прадеде, отце бабушки Елизаветы.

Ирина Львовна обрадовалась:

– А что я тебе говорила?!

– Но есть одна деталь, которая вызывает у меня сомнения, – продолжал Карл. – Бабушка родилась в декабре 1900 года, то есть примерно через год после описываемых здесь событий...

– Ну и что? – горячо возразила Ирина Львовна. – Ясно же, что твой прадед Алексей женился на моей троюродной прабабке Анне и у них родилась дочь Елизавета! Что тут удивительного?

– Видишь ли, – медленно произнес Карл, глядя на Ирину Львовну с определенным сочувствием, – бабушка показывала мне свою метрику. Ее отцом значился граф Алексей Николае-

вич Безухов, а мать – Мирослава Годоровна, урожденная княжна Видинова. Болгарка. Его законная жена.

– Но ведь у них не было детей! – воскликнула Ирина Львовна, чувствуя, как рушится столь блистательно и логично выстроенная гипотеза. – За двадцать лет совместной жизни у них так и не появились дети! А этой его Мирославе в 1900 году должно было быть не меньше сорока!

– Ну и что, – мягко возразил Карл, – ты действительно думаешь, что женщина в сорок лет уже неспособна родить?

Ирина Львовна раскрыла рот. Потом закрыла. Возразить было нечего. Аделаида родила Карлу сына в сорок семь лет. Правда, это был не первый ее ребенок, но... какая, в сущности, разница?

Да и сама она, Ирина Львовна, в свои тридцать девять разве не продолжает мечтать о том же? Ну, пусть не о семье, но хотя бы о ребенке? Если б еще удалось найти отца для этого ребенка... такого, как Карл...

– Хотя мысль была интересная, – продолжал Карл. Он видел огорчение Ирины Львовны и явно стремился ее утешить. – Из дальнейших писем твоей прабабки мы могли бы извлечь дополнительную информацию о моем прадеде, но, к сожалению...

– Что? Что – к сожалению?

– Ирина, – еще более мягко сказал Карл и даже взял ее за руку, – возможно, они больше вообще не встречались.

– Почему это? – продолжала упорствовать Ирина Львовна. – Они же начали испытывать друг к другу определенные чувства. Не только Аннет влюбилась в графа, но и он стал к ней неравнодушен. У них вполне мог начаться роман!

– Нет, не мог.

– Как ты можешь быть в этом уверен?!

– Все очень просто, Ирина. Моя бабушка родилась в декабре 1900 года, а это значит, что в марте 1900 ее родители были вместе. В марте 1900. Через три месяца после знакомства графа и Анны Строгановой.

И Карл умолк, совершенно уверенный в том, что наконец-то убедил Ирину Львовну.

Ирина Львовна взглянула на него с грустной усмешкой и отняла свою руку. Он даже представить себе не может (или не хочет), что его прадед вполне мог продолжать жить с женой и в то же время встречаться с молоденькой любовницей. Ну конечно, это ж *его* прадед!

«...За что я его и люблю», – нелогично подумала Ирина Львовна. Он, конечно, очень красивый и привлекательный мужчина, но главное не в этом. Главное – это его доброта, честность и порядочность. Прямо средневековая какая-то порядочность...

И все же как хочется, как неумолимо тянет отыскать в этой порядочности хоть крошечную брешь!

Ирина Львовна даже тряхнула головой, чтобы отогнать эти назойливые, бесплодные и бесполезные мысли.

– И что ты теперь собираешься делать? – спросила она. – Вернешься домой, в Цюрих?

– Вернусь, – кивнул Карл. – Но не сразу. Аделаида хочет посмотреть Москву. А я хочу помочь тебе в твоих поисках.

– Что, правда? – оживилась Ирина Львовна. – Ты хочешь мне помочь – просто так, зная, что это никак не связано с твоими предками? Безо всякого личного интереса?

– Ну почему же безо всякого, – усмехнулся Карл. – Ты мне как сестра, я уже не раз говорил тебе об этом. Твои интересы – это мои интересы.

– Но ты и так столько для меня сделал: помог с изданием моих книг, и вообще...

– А ты, если помнишь, однажды спасла мне жизнь. И сколько бы я ни сделал для тебя – все будет мало. Так что не будем больше об этом говорить.

– Не будем, – согласилась, вздохнув, Ирина Львовна.

* * *

Когда Ирина Львовна поздно вечером вернулась к Зое, та встретила ее молча, уперев руки в бока и иронически приподняв левую бровь.

– Я за своими вещами, – бесстрастным голосом сообщила ей Ирина Львовна, – переночую, а завтра утром переберусь в гостиницу. Карл снял для меня номер рядом со своим.

– Да? – недоверчиво усмехнулась Зоя. – Значит, он все-таки существует? И приехал к тебе в Москву?

– Разумеется. – Ирина Львовна неторопливо проследовала мимо сестры на кухню. – А ты сомневалась?

Зоя прошла следом за ней и уселась на табуретку. Сложив руки на животе, она принялась следить, как Ирина Львовна ставит чайник и, брезгливо поморщившись, выливает из заварочного чайника старую заварку.

– Ужинать будешь? Я сделала заливную рыбу.

– Нет, спасибо. Мы с Карлом поужинали в ресторане «Царская охота», что на Рублевском шоссе, там была неплохая стерлядь...

– Ну да, ну да, конечно, – Зоя понимающе кивнула, – а после ресторана он подвез тебя до дома. Но в квартиру зайти постеснялся.

Ирина Львовна одарила сестру долгим взглядом из-под густых ресниц, сделала глоток свежего, отлично заваренного чая и лишь после этого ответила:

– Все именно так и было. А теперь я хочу спать.

– Ну и спи, кто тебе мешает!

Что-то в Зоинем голосе остановило подымающуюся из-за стола Ирину Львовну.

– Я тут, правда, кое-что нашла... Еще одно старое письмо. Но раз ты так хочешь спать...

– Зоя!

Ирина Львовна с неожиданной прытью обогнула стол и оказалась рядом с сестрой.

– Дай мне его!

– Ну-ну, не так быстро, – усмехнулась Зоя. – Сядь на место, не люблю, когда надо мной возвышаются.

– Зоя!

– Да отдам я его тебе, отдам... При одном условии.

– При каком еще условии? Денег тебе нужно, что ли?

– Что же, деньги мне тоже не помешают. Но условие будет другое: ты познакомишь меня с Карлом. Я должна убедиться в том, что ты не врешь. Если все, что ты о нем рассказывала, правда, ты получишь письмо. Если нет...

– Зоя! Побойся Бога!! Да с какой стати я буду тебе врать?!

– Кто тебя знает, – задумчиво возразила Зоя. – Ты и в детстве была известная... сочинительница, а теперь и вовсе стала писателем. А письмо-то – вот оно!

И Зоя, показав Ирине Львовне с безопасного расстояния краешек сложенного и засунутого в карман домашнего халата письма, гордо удалилась из кухни.

«И зачем я сказала про самый дорогой московский ресторан, – ругала себя Ирина Львовна. – Зоя такая дотошная и придирчивая, будет теперь цепляться к деталям. Что у меня, в самом деле, за вечная склонность к преувеличениям?! Или это действительно свойство всех писателей?»

Но, с другой стороны, если бы она сказала, что они с Карлом и его семьей тихо и мирно поужинали в ресторане их тихой приватной гостиницы на Цветном бульваре, эффект был бы совершенно не тот.

Да бог с ней, с «Царской охотой», решила наконец Ирина Львовна. У нас есть проблема поважнее. Как уговорить Карла встретиться с Зоей? Как уговорить Карла встретиться с Зоей – без жены?

А очень просто. Скажем ему правду. Карл – человек умный, проницательный и тактичный (несмотря на то, что мужчина). К тому же снисходительный к маленьким женским слабостям. Он поймет. Он должен понять.

И Карл действительно понял. Правда, не сразу. Некоторые вещи, учитывая разность менталитетов, ему пришлось объяснять дважды.

– Значит, я приехал сюда не только по своим делам, но и чтобы повидаться с тобой, – задумчиво повторил Карл. – Что же, это совершенно естественно. Не вижу здесь никакого логического противоречия – ты ведь моя названная сестра.

Ах, как тонко он подчеркнул интонацией свои последние слова! У Ирины Львовны даже закралось подозрение, что он понимает гораздо больше, чем говорит.

– Э... видишь ли... – Ирина Львовна почувствовала некоторое смущение, – мне хотелось бы, чтобы ты не упоминал при Зое о том, что относишься ко мне как к сестре.

– Хорошо, – после некоторой паузы согласился Карл.

– И еще... нам ведь предстоит чисто деловой разговор. Вряд ли он будет интересен Аделаиде Максимовне, не говоря уже о маленьком Александре.

– Я тоже так думаю, – согласился Карл.

Ирина Львовна воспряла духом.

– Сейчас мы идем в зоопарк, – сообщил Карл, – а после обеда, пока Аделаида с малышом будут отдыхать, мы с тобой и твоей кухней сможем где-нибудь выпить кофе.

– Отлично! – воскликнула Ирина Львовна. – Замечательно! То, что нужно! У Зои как раз сегодня выходной, а на Тверской есть превосходное кафе-мороженое. Правда, в этом кафе... как бы сказать помягче... недешево.

– Пусть это тебя не беспокоит, – сказал Карл.

* * *

Когда Зоя утащила Ирину Львовну попудрить носики, Ирина Львовна была *почти* уверена в успехе своего предприятия.

Карл вел себя безукоризненно. Он не забыл о маленьких просьбах Ирины Львовны и все деликатные моменты разговора обходил с ловкостью и непринужденностью опытного дипломата. Быстро нащупав интересные лично для Зои темы – здравоохранение в России вообще и лечение алкоголизма в частности, – он их в разговоре и придерживался.

Он даже поразил Зою рассказом о том, как было принято лечить алкоголизм у индейцев-ацтеков, которых пристрастили к этой вредной привычке испанские конкистадоры. Несмотря на жестокость, болезненность и небезопасность ацтекского метода, Зоя пришла в полный восторг и решила как можно скорее опробовать его на своем Виталии.

– Ну, что, – спросила Ирина Львовна, глядя на свое отражение в туалетном зеркале, – убедилась?

Зеркало в женском туалете кафе-мороженого было правильное: чуть удлиняло изображение и благодаря теплой цветовой гамме приглушенного освещения искусно маскировало все недостатки кожи. В этом зеркале Ирина Львовна выглядела почти красавицей.

– Отчасти, – загадочно ответила Зоя. Она тоже как подошла к зеркалу, так и не могла от него оторваться.

– А что это за ликер, который мы пили последним, под шоколадное мороженое?

– Французский, «Гранд-Маньер», – сдерживаясь, отвечала Ирина Львовна.

– Дорогуший, должно быть...

– Да, недешевый.

– А он всегда так сорит деньгами? Что-то нетипично для немца, – заявила, взбивая рыжую челку, международный знаток и эксперт Зоя.

– Зоя, если бы ты внимательно читала мои книги или хотя бы запоминала то, что я тебе рассказывала...

– А можно без предисловий?

– Можно. Карл – на четверть русский. Его бабушка была русская дворянка, урожденная графиня Безухова. И возможно даже, – тут Ирина Львовна сделала значительную паузу, – мы с ним в самом деле родственники.

Зоя присвистнула:

– Вот, значит, зачем тебе прабабушкины письма... Ищешь, значит, доказательства.

– Да, – призналась Ирина Львовна. – Ищу.

– Но если ты ему родственница, значит, и я тоже.

– Ты это к чему? – подозрительно прищурилась Ирина Львовна.

– Ни к чему, – весело улыбнулась Зоя. – Пока – ни к чему, – многозначительно добавила она.

– Письмо-то отдашь?

– Отдам, – так же легко согласилась Зоя. – Только не тебе, а ему. И за определенную плату.

– Зоя!!

– Да шучу я, шучу... Между прочим, правду говорят, что 90 % настоящих мужчин любят полных женщин, а остальные 10 % – очень полных?

– Правду, – вздохнула Ирина Львовна, – его жена, она... в общем, если и тоньше тебя, то ненамного.

– Ну вот видишь: у тебя нет никаких шансов!

Ирина Львовна замахнулась на нее сумочкой. Зоя расхохоталась звонким молодым смехом и выскочила из туалета.

Ирина Львовна еще немного постояла перед зеркалом, дожидаясь, пока кислое выражение лица сменится прилично-равнодушным.

– Это у тебя нет никаких шансов, моя дорогая кузина, – надменно произнесла она, и вошедшая в это время в туалет дама посмотрела на нее с недоумением. Ирина Львовна быстро пошвыряла в сумку разложенные на мраморной доске помаду, румяна и тушь для ресниц, подправила кончиком бумажного платка подтекшее нижнее веко и вернулась в зал.

* * *

– Ну конечно, Зоя, – услышала она, усевшись на свое место.

– О чем это? – настороженно осведомилась Ирина Львовна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.